

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПАМЯТИ...» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖАНРОВАЯ ФОРМА
В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО

В статье рассматривается поэтика стихотворения «Памяти...» в творчестве И. Бродского на примере одноименных произведений. Устанавливается, что жанрообразующим фактором в нем выступают элементы композиционно-содержательного единства, такие как заголовок, тематическая рефлексия, статус авторского «я», архетипичные образы воды и связанные с ней коннотативы, составляющие внутренний хронотоп и локусные индексы, которые в свернутом виде ассоциируются с метафорой «всплывать в памяти» и которые у Бродского имеют форму мифопоэзиса, определяемого автобиографическими и семиотическими смыслами. Выявляется, что произведения типа «Памяти...», хотя и имеют генеалогические связи, но отличны от эпитафии, стихотворений «На смерть...», что типологическая связь сближает их в большей мере с посвяжительной традицией. В связи с этим делается вывод о том, что в отношении искомого жанра, объединяющего стихотворения «Памяти...», можно использовать исходное наименование, обособляющее его, либо считать стихотворным мнемоническим посвящением.

Ключевые слова: бессубъектность авторского «я», жанр, хронотоп, локус, развернутая метафора, архетипический образ, коннотатив, композиционно-содержательное единство.

Информация об авторе: Жиляков Сергей Викторович, ORCID: 0000-0002-5875-4134, кандидат филологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал), г. Старый Оскол, Россия.

E-mail: szhil@list.ru.

Дата поступления статьи: 23.01.2020.

Для цитирования: Жиляков С.В. Стихотворение «Памяти...» как самостоятельная жанровая форма в творчестве И. Бродского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 154-159. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-154-159.

Sergey V. Zhilyakov
Belgorod National Research University

THE POEM «IN MEMORIAM...» AS AN INDEPENDENT GENRE FORM
IN THE POETRY OF JOSEPH BRODSKY

The article deals with the poetics of the poem «In Memoriam...» in the works of Joseph Brodsky in terms of works of the same name. It is established that the genre-forming factor in it are elements of compositional and content unity, such as the title, thematic reflection, the status of the author's «I», archetypal images of water and related connotatives that make up the internal chronotope and locus indices, which are associated with the metaphor «to recur to memory» and which in Brodsky have the form of mythopoiesis, defined by autobiographical and semiotic meanings. It is revealed that works of the type «In Memoriam...», although they have genealogical connections, are different from the epitaph, poems to commemorate death of certain persons, that the typological connection brings them closer to the dedicatory tradition. In this connection, it is concluded that in relation to the desired genre that combines the poems «In Memoriam...», one can use the original name that separates it, or consider it a poetic mnemonic dedication.

Keywords: non-subjectivity of author's «I», genre, chronotope, locus, expanded metaphor, archetypal image, connotative, compositional and content unity.

Information about the author: Sergey V. Zhilyakov, ORCID: 0000-0002-5875-4134, Candidate of Philological Science, Belgorod National Research University, branch in the City of Stary Oskol, Stary Oskol, Russia.

E-mail: szhil@list.ru.

Article received: January 23, 2020.

For citation: Zhilyakov S.V. The poem «In Memoriam...» as an independent genre form in the poetry of Joseph Brodsky. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 154-159 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-154-159.

В творческом наследии И. Бродского есть несколько одноименных стихотворений, объединенных темой памяти: «Памяти Т.Б.» (1968), «Памяти отца: Австралия» (1989), «Памяти Геннадия Шмакова» (1989) и «Памяти Клиффорда Брауна» (1993).

Уже в заголовке стихотворений заложено изначальное жанровое предпонимание. В этом, вероятно, сконцентрирована жанровая коммуникативная особенность, определяемая, согласно Е.Л. Конявской, «особенностями адресата» [Конявская: 255]

или, шире, конвенциональной функцией, соотносительной с третьим аспектом в жанровой концепции Ю.В. Шатина, в силу которой между реципиентом и автором литературного текста всегда существует некоторое неписанное соглашение о тождественной рецепции произведения в рамках их совместного жанрового видения/прочтения [Шатин: 6], заключенного и репрезентированного в первую очередь в номинации. Потому для жанровой дефиниции заглавие есть «очень ответственный, если вообще не главный компонент художественного

текста» [Бабичева: 64]; в связи с чем «жанровое заглавие, необязательное в каноническую эпоху, становится если и не неизменным, то важным жанровым маркером, ибо только оно позволяет связать неканонический текст с предшествующей жанровой традицией, активировать жанровую память читателя» [Атремова: 50], стать своего рода гарантом и ориентиром верного жанрового ожидания.

Несмотря на это, «Памяти Геннадия Шмакова» (1989) и «Памяти Т.Б.», отличаясь пространством объемом, представляют собой, по определению А.А. Азаренкова, «большое стихотворение» – жанровую форму, созданную и культивируемую И. Бродским, имеющую в своем арсенале повторяющуюся и вариативную композиционную основу со связанными с ней построенными на основе ассоциации образами и мотивами [Азаренков: 212]. Хочется, однако, заметить, что данная жанровая форма универсальна именно как форма, объединенная «основой «негомогенного» лирического материала» [Калашников: 6], в частном же порядке она, вероятно, применима ко многим жанрам, в том числе и стихотворению «Памяти...».

Нельзя не согласиться с У.Ю. Вериней, которая пишет, что стихотворение Т. Венцловы с однотипным наименованием «Памяти поэта. Вариант», посвященное О. Манделштаму, «продолжает традицию эпитафий на смерть поэта и генетически связано с элегией И. Бродского “На смерть Т.С. Элиота”» [Верина: 13]. Действительно (и это можно перенести на исследуемые стихотворения), с традицией эпитафии их роднит упоминание о смерти некогда близкого человека, описание биографических локусов, сожаление о смерти, вечности слова. В то же время есть и отличия жанров. Так, эпитафия – это краткая стихотворная надгробная надпись, поэтика которой определяется обращением (прямой речью) к достаточно узкому кругу адресатов повествования, величественным (по преимуществу) отношением к умершему путем краткого перечисления заслуг в рамках достаточно сложного политемпорального хронотопа [Ложкова: 59, 63], определяемого локусом могилы. Кроме того, элегия, генетически восходящая к ритуальной заплачке и сохранившая поэтому печально-скорбные размышления о проблемах жизни, смерти и памяти, также оказывается на поверку близкой по жанровой модальности исследуемым произведениям.

Все же стихотворения типа «Памяти...» обладают своей жанровой спецификой. Так, обращает на себя внимание языковая формула номинации, в которой главное слово «памяти», к которому обращено поэтическое послание, управляет в родительном падеже субъектом (например, Геннадия Шмакова). Итак, присутствует конкретность адресата, в отличие от эпитафии. Все это говорит о тематическом превосходстве памяти над объектом ее

рефлексии. В подтверждение находим у Бродского следующие строки:

Пока не увяли цветы и лента
еще не прошла через известь лета,
покуда черна и вольна цыганить,
ибо настолько длинна, что память
моя, как бы внемля ее призыву,
потянет ее, вероятно, в зиму...

[Бродский, 2018: 137]

И кульминацией в том же стихотворении «Памяти Т.Б.» (1968) звучит мотив, дискредитирующий память как таковую, называя местоименно при этом субъекта, от которого остается лишь «пыль бытия»:

Будем помнить тебя. Не будем
помнить тебя...
...Ты останешься мазком, наброском,
именем, чуждым своим же тезкам
и не бросающим смертной тени
даже на них.

[Бродский, 2018: 145]

И эта существенная деталь в последнюю очередь является свидетельством размежевания стихотворения «Памяти...» с эпитафией. Также весьма циничную оценку памяти встречаем в концовке «Памяти отца: Австралия» (1989):

Все-таки это лучше, чем мягкий пепел
крематория в банке...

....в первый раз с той поры, как ты обернулся дымом.

[Бродский, 2018: 504]

Напротив, память живых является утешительным мотивом и гарантией посмертного метафизического существования в строках «Памяти Геннадия Шмакова»:

Знать, ничто уже, цепью гремя
как причины и следствия звенья,
не грозит тебе там, окромя
знаменитого нами забвенья.

[Бродский, 2018: 515]

Звукоповтор «з», прочитываемый как каламбур с предустановкой на заведомо двоякую семантику (знаменитый – узнаваемый, забвенья – забываемый), утверждает, что именно забвенья как необходимый элемент всеобщего оборотничества бытия-небытия, дает гарантию долгожительства памяти.

Другой немаловажной чертой, конституирующей жанровую интенцию поэтического произведения, является принцип внутритекстового проявления авторского «я». Доведенная до предела «бессубъектность» поэтической речи, «субъективная неопределенность» сказывается на том, что в результате этого «отстраненный “взгляд” на окружающую действительность продуцирует ментальное “оживание” лирического субъекта в пространственную упорядоченность мира» [Чевтаев: 391], которая эксплицирует и обращает к читателю динамику «взгляда и отношений», действующую «вопреки динамике движения и деятельности» [Лещева: 94], отчего возникает ощущение текучести художественной ассоциации и образов не в ре-

альном мире, а будто в памяти человека, в которой во многом отсутствует логика или присутствует «своя» логика сна/памяти; а само человеческое существование становится растворенным в бытии, приобретая эффект «панантропизма» (человек во всем): «Став ничем, человек – вопреки // пенью хора – во всем остается» («Памяти Геннадия Шмакова»). Скажем, в эпитафии автор и объект слиты в формуле «Здесь захоронен тот-то», «Прохожий, взгляни...», где автор вещает как бы от умершего лица либо указывает на него как на живого участника диалога. Поэтому такая субъектная неустойчивость и неопределенность в стихотворениях типа «Памяти...» возносит автора (лирического героя) к метафизическим высотам, заставляя его быть «subspecieaeternitatis».

Лейтмотивы ухода (смерти) и жизни, интегрированные в памяти, эксплицированные в своих инвариантах и архетипах, стилистически заменяющие развертывание лирического сюжета, – еще одна существенная деталь, объединяющая стихотворения «Памяти...» в один жанр. Они, лейтмотивы, обусловлены биографией Бродского, в которой после 1972 года, времени отъезда из СССР, преобладают мотивы разрыва, утраты, смерти, вызывая к жизни стихотворения «Памяти...». Вследствие этого память как творческое требование времени остается для поэта единственной связующей нитью с прошлым.

В «Памяти отца: Австралия», вошедшим позднее в сборник «Пейзаж с наводнением» (1996) [Буслакова: 311], читаем:

Ты ожил, приснилось мне, и уехал
в Австралию. Голос с трехкратным эхом
окликал и жаловался на климат
и насчет квартиры, никак не снимут,
жаль не в центре, но около океана,
третий этаж без лифта, зато есть ванна...

[Бродский, 2018: 504]

Образ голоса отсылает к предпоследнему стихотворению цикла «Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос...», намекает на зов первотворения. Хронотоп берега океана представляет границу земного бытия, семантизируемую образом полюса, аналогичному в «Памяти Клиффорда Брауна», и нагружен также витально-мортальным смыслом:

Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос.
Я вижу не то, во что ты одета, а ровный снег.
И это не комната, где мы сидим, но полюс;
Плюс наши следы ведут от него, а не к.

[Бродский, 2018: 518]

Фраза «с трехкратным эхом», «третий этаж без лифта» – тройственная фольклорная модель мира, входящая в универсальный знаковый комплекс (по В.Н. Топорову), прочитываемая по ассоциации как тридевять земель – дальнейшее расположение Австралии, намекающее на потусторонний мир.

Мифологема воды, выраженная образами океана, ванной, здесь так же, как во многих мифах, символизирует начало происхождения мира, а так-

же его конец в циклической завершенности, ставя между ними знак равенства. В этом смысле происходит тождество семантики памяти и ухода как метонимии прошлого; в ней одновременно находятся и мертвые, и живые, она есть вместилище актуальности и прошлого. Недаром еще Августин в концепте памяти поместил прошлое время, комбинированное из настоящего и прошедшего, названное им «настоящее прошедшего» [Аврелий: 170].

Интересно, что принцип сочленения/соположения двух временных пластов – прошлого и настоящего, применим также и для сна. Показательно, что Бродский именно во сне вспоминает образ отца, точно так же память сопряжена со сном в стихотворении «Памяти Т.Б.»: «Как ты качалась на волнах рядом / с лодкой, не внемля их резким крикам, / лежа в столь малом и в столь великом // от челнока расстоянья. Точно / так и бывает во сне...» [Бродский, 2018: 140].

Таким образом, в «Памяти отца: Австралия», как и во всем сборнике «Пейзаж с наводнением», происходит “дозированное” строительство мифа, мифа творчества, мифа памяти. Недаром стихотворения в нем названы: «Рождественская звезда», «Новая жизнь», Бегство в Египет» с намеком, содержащим архетип начала нового этапа жизни, уже сакрализованной поэтическим творчеством, а номинация же самого сборника семантически указывает на образ потопа как символа обновления мира.

«Мифомотив» взаимосвязанности жизни и смерти продолжен в стихотворении «Памяти Клиффорда Брауна», строки которого выстроены по типу антитетического противопоставления, имеющего аналогию магического заклинания-оберега:

Это не синий цвет, это – холодный цвет...
Это – не просто льдина, одна из льдин...

[Бродский, 2018: 571]

Г.В. Стручалина замечает: «Если принять во внимание, что текст посвящен памяти исполнителя, то есть имплицитно уже в название включен смысл ‘смерть’, то можно предположить, что члены оппозиции противопоставлены как жизнь (левая, известная часть – тема) и смерть (новая, неизвестная часть – рема)» [Стручалина: 303]. Впрочем, здесь происходит то, что было в «Памяти отца: Австралия»: идея того, что память уравнивает оба онтологических пункта – жизнь и смерть, включая их в диалектические отношения. Эпилог стихотворения разворачивает тему смерти и жизни в круговороте неоконченного становления («дрейфуя»), случающегося сквозь призму локуса памяти («пятно луча»):

Льдина не тает, словно пятно луча,
дрейфуя к черной кулисе, где спрятан полюс.

В «Памяти Т.Б.» заключительная строфа сорокатрехстрочного стихотворения изобличает взаимосвязь жизни и смерти (Рай, Ад) в контексте памяти, обнаруживающую единство этих онтологических контрапунктов:

Впрочем, долгой ходули –
до несвиданья в Раю, в Аду ли.

[Бродский, 2018: 147]

Итак, повторим, что в данных произведениях внутренний хронотоп коннотирован и детализирован образами воды (с мифологических времен вода в основе своей считалась «первоэлементом Вселенной и потому была священной» [Маковский: 76] с присущими ей охранительными, но в то же время в силу синкретического мышления первобытных – губительными функциями, в связи с чем она часто символизирует границу миров) либо ее состояния: «Памяти Клиффорда Брауна» (океан, льдина), «Памяти Т.Б.» (река, утопленница), «Памяти отца...» (океан), «Памяти Геннадия Шмакова» (дождь, пар, волна). Топонимы, связанные с водой, сигнифицирующие рубежность бытия (переходность жизни-смерти), – все это мифостроительные конструктивы, целокупно образующие мифопоэзис Бродского, одним из вариантов которого является жанр «Памяти...». Ведь известно, что Бродский, ревностно и щепетильно относящийся к языку («Язык не средство поэзии; наоборот, поэт – средство или инструмент языка...») – говорил поэт [Бродский, 2000: 143]), с помощью данного гидрофона репрезентирует жанр «Памяти...», будто воспроизводя в нем развернутую метафору “образ всплывает в памяти”. Вдобавок сюда же введен им и биографический мотив разлуки автора с Родиной, разделенной океаном, ассоциируемым с открытым и безбрежным вместилищем памяти, оживающей во сне, в голосе, слове и знакомых, окружающих лирического героя вещных образах.

К данным конструктивно-мифологическим образам воды, пограничья присовокупляются сон, который представляется через «информационно свободный “текст ради текста”» [Лотман: 222], и смерть как взаимообратимые семиотические феномены («Памяти отца: Австралия», «Памяти Т.Б.»). В связи с этим формула дани памяти адресатов поэта реконструируется как то, что разделено между участниками стихотворного послания не только временем почтения, но и метафизикой первоначала – водной стихии, символизирующей утрату и находку, забвение и память.

Но такой набор пространственных и временных деталей, типических для этого вида произведений, не является в строгом смысле жанрового определяющим как его временное, так и пространственное функционирование, в отличие от хронотопа и локуса как маркеров внелитературной ситуации, детерминирующих бытие жанра и являющихся объективно-внешним показателем жанрового статуса произведения [Щукин, 1997; Щукин, 2004]. В этом аспекте о стихотворениях «Памяти...», например, нельзя сказать, как об оде, которая подлинно осуществляет свое функциональное предназначение лишь в рамках ситуации посвящения торжествен-

ной песни высокому вельможе во дворце. Впрочем, в стихотворении «Памяти...» при отсутствии четких координат «действия» лежит внутриформленная общая конституция доминирующей изоморфно-типологической образной системы, определяющая его самодостаточность. Так, образы-аллюзии («пепел крематория в банке» («Памяти отца...»), «могильная черная лента» («Памяти Т.Б.»), «черная кулиса» («Памяти Клиффорда Брауна»), «там» в смысле потустороннего пространства («Памяти Геннадия Шмакова») есть своего рода локальные рудименты мортально-мнемонических жанров (стихотворный «Памятник», эпитафия, эпитахий, плач), с которыми у стихотворения «Памяти...» имеется устойчивая генетическая связь.

Мифопоэтика да и собственно поэтика стихотворения «Памяти...» в творчестве Бродского при всей ее универсальности приобретает индивидуализирующие жанровые черты, а перекличка со стихотворением «Памяти поэта. Вариант» Т. Венцловы обнаруживает в обоих случаях конструктивное сходство, обязанное такому явлению, как «память жанра», определяющему жанр как относительно устойчивый тип языкового высказывания [Бахтин 5: 159].

Таким образом, на основе анализа можно выделить основные черты, присущие стихотворению типа «Памяти...», которые характеризуют его как самостоятельную «гоможанровую» организацию: 1) тождество номинации (заголовок); 2) бессубъектность авторского «я» (автор в статусе метафизического наблюдателя); 3) тематическая интенция, направленная в первую очередь на память человека, и лишь во вторую – на человека как носителя памяти; 4) взаимосвязанные лейтмотивы ухода и памяти, жизни и смерти, сна; 5) выстраивание стихотворного мифа памяти; 6) хронотопные внутритекстуальные образы-индексы водной стихии и географического рубежа, метафоризирующие память как течение, отделяющее близких от лирического героя; 7) локальные мортально-мнемонические образы, строго не связанные с местом функционирования жанра, однако обусловленные генетическим единством жанров, обслуживающих память (эпитафия, плач, реквием, эпитахий). В связи с этим, осознавая близость исследуемых произведений посвячительной традиции, имеющей в русской литературе глубокие корни, в качестве претендента жанрового номинатива стихотворению «Памяти...» подошло бы как одноименное название, так и посвячительное послание, которое можно более точно назвать стихотворным мнемоническим посвящением.

Список литературы

1. *Августин Аврелий. Исповедь* // Августин Аврелий. Исповедь: Абелья П. История моих бедствий / пер. с лат. М.: Республика, 1992. 335 с.

2. *Азаренков А.А.* Композиция «больших стихотворений» Иосифа Бродского: принцип лейтмотивности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2016. Т. 15. № 9. С. 208–214.

3. *Артемюва С.Ю.* Заглавие элегии: атавизм или жанровый маркер // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2018. № 2–1 (35). С. 43–50. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000012212> (дата обращения: 02.01.2019).

4. *Бабичева Ю.В.* Поэтика заглавия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. Вып. 6. С. 61–64.

5. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. / под ред. С.Г. Бочарова, В.В. Кожина. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 731 с.

6. *Бродский И.* Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 703 с.

7. *Бродский И.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 880 с.

8. *Буслакова Т.П.* Литература русского зарубежья: Курс лекций. М.: Высшая школа, 2003. 365 с.

9. *Верина У.Ю.* Следы оригинальных идиостилей в поэтических переводах (стихотворение Т. Венцловы «Памяти поэта. Вариант» в интерпретации И. Бродского и А. Герасимовой) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 13–19. DOI 10.17072/2037-6681-2018-4-13-19

10. *Калашиников С.Б.* Поэтическая интонация И.А. Бродского: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 235 с.

11. *Конявская Е.Л.* «Границы» древнерусской литературы и проблема жанров // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 248–260.

12. *Лецева А.Н.* Синтаксические средства создания семантики неопределенности в поэзии Иосифа Бродского // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 2. С. 90–94.

13. *Ложкова А.В.* Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики // Уральский филологический вестник. 2018. № 4. С. 56–64.

14. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992. 272 с.

15. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.

16. *Стручалина Г.В.* Познавательные интенции в процессе формирования художественного образа (на материале стихотворения И. Бродского «Памяти Клиффорда Брауна») // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. С. 300–304.

17. *Чевтаев А.А.* Событийная онтология небытия: об одной модели сюжетосложения в поздней

лирике И. Бродского // Вестник Удмурдского университета. Сер. История и Филология. 2017. Т. 27. Вып. 3. С. 390–399.

18. *Шатин Ю.В.* Три аспекта жанровой теории (тезисы) // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф. (7–9 дек. 1988 г.); под ред. Н.Н. Киселева. Томск: ТГУ, 1990. С. 5–6.

19. *Шукин В.Г.* О филологическом образе мира (философские заметки) // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 47–64.

20. *Шукин В.Г.* Социокультурное пространство и проблема жанра // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 69–78.

References

1. Avgustin Avrelii. *Ispoved'* [Confession]. Avgustin Avrelii. *Ispoved'* [Confession]: Abeliar P. *Istoriia moikh bedstvii* [History of my disasters], per. s lat. Moscow, Respublika Publ., 1992, 335 p. (In Russ.)

2. Azarenkov A.A. *Kompozitsiia «bol'shikh stikhotvoreniï» Iosifa Brodskogo: printsip leitmotivnosti* [The song “great poems” by Joseph Brodsky: the principle of leitmotives]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriia. Filologiiia* [Bulletin of Novosibirsk state University. Ser.: History. Philology], 2016, vol. 15, № 9, pp. 208–214. (In Russ.)

3. Artemova S.Iu. *Zaglavie elegii: atavizm ili zhanrovyy marker* [The title of the Elegy: a throwback or a genre marker]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Russian state University for the Humanities], 2018, № 2–1 (35), pp. 43–50. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000012212> (access date: 02.01.2019). (In Russ.)

4. Babicheva Iu.V. *Poetika zaglaviia* [Poetics of the title]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University], 2000, vol. 6, pp. 61–64. (In Russ.)

5. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.], ed. by S.G. Bocharova, V.V. Kozhinova. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, 731 p. (In Russ.)

6. Brodskiy I. *Bol'shaia kniga interv'iu* [Big book of interviews]. Moscow, Zakharov Publ., 2000, 703 p. (In Russ.)

7. Brodskiy I. *Maloe sobranie sochinenii* [Small collection of works]. Saint-Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2018, 880 p. (In Russ.)

8. Buslakova T.P. *Literatura russkogo zarubezh'ia: Kurs lektsiy* [Literature of the Russian abroad: a course of lectures]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2003, 365 p. (In Russ.)

9. Verina U.Iu. *Sledy original'nykh idiosstilei v poeticheskikh perevodakh (stikhotvorenie T. Ventslovy «Pamiati poeta. Variant» v interpretatsii I. Brodskogo i A. Gerasimovoi)* [Traces of original idiosyncrasies in

poetic translations (T. Venclova's poem "In memory of the poet. Variant" in the interpretation of I. Brodsky and A. Gerasimova)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia* [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign Philology], 2018, t. 10, vol. 4, pp. 13–19. DOI 10.17072/2037-6681-2018-4-13-19. (In Russ.)

10. Kalashnikov S.B. *Poeticheskaia intonatsiia I.A. Brodskogo*: dis. ... kand. filol. nauk [I.A. Brodsky's poetic intonation: KSc thesis]. Volgograd, 2001, 235 p. (In Russ.)

11. Koniavskaia E.L. «Granitsy» drevnerusskoi literatury i problema zhanrov ["Borders" of old Russian literature and the problem of genres]. *Zhanry i formy v pis'mennoi kul'ture srednevekov'ia* [Genres and forms in the written culture of the middle ages]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, pp. 248–260. (In Russ.)

12. Leshcheva A.N. *Sintaksicheskie sredstva sozdaniia semantiki neopredelennosti v poezii Iosifa Brodskogo* [Syntactic means of creating of semantics of indefensibility in of Joseph Brodsky's poetry]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural state University], 2009, № 2, pp. 90–94. (In Russ.)

13. Lozhkova A.V. *Literaturnaia epitafiia: problema zhanrovoy spetsifiki* [Literary epitaph: the problem of genre specificity]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Ural philological Bulletin], 2018, № 4, pp. 56–64. (In Russ.)

14. Lotman Iu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, GnozisPubl., Progress Publ., 1992, 272 p. (In Russ.)

15. Makovskii M.M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropskikh iazykakh: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages:

Image of the world and worlds of images]. Moscow, Vldos Publ., 1996, 416 p. (In Russ.)

16. Struchalina G.V. *Poznavatel'nye intentsii v protsesse formirovaniia khudozhestvennogo obraza (na materiale stikhotvoreniia I. Brodskogo «Pamiati Klifforda Brauna»)* [Cognitive intentions in the process of forming an artistic image (based on the material Of I. Brodsky's poem "In Memory of Clifford brown")]. *Sovremennye problemy iazykoznanii, literaturovedeniia, mezhkul'turnoi kommunikatsii i lingvodidaktiki* [Modern problems of linguistics, literary studies, intercultural communication and linguodidactics], Belgorod, NIU «BelGU» Publ., 2016, pp. 300–304. (In Russ.)

17. Chevtaev A.A. *Sobytiinaia ontologiia nebytiia: ob odnoi modeli siuzhetoslozheniia v pozdnei lirike I. Brodskogo* [Event ontology of non-existence: about one model of plot structure in the late lyric of I. Brodsky]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serii Istorii i Filologiia* [Bulletin of Udmurt University. Series of History and Philology], 2017, t. 27, vol. 3, pp. 390–399. (In Russ.)

18. Shatin Iu.V. *Tri aspekta zhanrovoy teorii (teziy)* [Three aspects of genre theory (theses)]. *Problemy literaturnykh zhanrov: Materialy 6 nauch. mezhvuz. konferentsii (7–9 dek. 1988 g.)* [Proceedings of VI scientific. inter-University. conferences (7–9 dec. 1988 years)], ad by N.N. Kiselev. Tomsk, TGU Publ., 1990, pp. 5–6. (In Russ.)

19. Shchukin V.G. *O filologicheskome obraze mira (filosofskie zametki)* [On the philological image of the world (philosophical notes)]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2004, № 10, pp. 47–64. (In Russ.)

20. Shchukin V.G. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo i problema zhanra* [Sociocultural space and the problem of genre]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1997, № 6, pp. 69–78. (In Russ.)